

Интервью с ветераном
Великой Отечественной войны

ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВА, г. Оренбург, СОШ № 65

Рисунок Наси Трофимовой,
социальный приют «Марьино»

Мой любимый город, мой дом, моя школа... Здесь Родины моей начало. Дорогие мои земляки — близкие, далекие, знаменитые и не очень... Но каждая судьба — часть нашей большой судьбы. Именно поэтому в нашей школе уже много лет работает историко-краеведческий клуб «Поиск», членом которого я являюсь. Вместе со своим руководителем Ириной Васильевной Андреевой мы занимаемся большой поисковой работой и обработкой материалов о тех, кто защищал нашу Родину в году великих испытаний. В этом году наш клуб продолжил работу по реализации еще одного, очень важного для нас международного проекта — «Живые голоса истории». Запись живого рассказа участника войны — бесценный документ не только для потомков, но и для нашего поколения, которое живет сегодня благодаря беспримерному подвигу этих людей.

На сегодняшний день нами записано более 40 воспоминаний наших земляков-ветеранов Великой Отечественной войны. Их жизнь стала примером беззаветного служения Отечеству, мужества и стойкости. Мне хочется рассказать об одном из таких защитников Отечества, человеке с большой буквы, который, не жалея сил и здоровья, вносил свой вклад в дело освобождения нашей Родины. Это летчик Александр Тимофеевич Лазарев.

Накануне праздника Победы мы с руководителем нашего клуба «Поиск» пришли к Александру Тимофеевичу Лазареву в его дом.

Мы увидели большую комнату. Старомодную мебель. Старенькие шкафы, в которые вставлены фотографии военных лет. Там же — треугольники писем, присланные Александром Тимофеевичем своим родным. Александр Тимофеевич — яркий представитель настоящей русской интеллигенции. У него благородные, правильные черты лица, седая борода, серые глаза. Он высокий, статный. Похож на ученого, профессора. Голос спокойный, несмотря на сильное волнение при воспоминаниях, когда слезы выступали на его глазах. В комнате ветерана живет попугайчик, которого он не запирает, не лишает воли. Смеется: «Я летчик, и он пусть летает!»

Рассказ Александра Тимофеевича поразил, запомнился. Мы постарались записать его как можно более подробно.

В 1941 году он окончил авиационное училище и был направлен в воинскую часть в Прибалтике. Там был маленький аэродром с дренажной системой. За месяц до начала войны начались боевые тревоги — одна за другой. Бежали на аэродром, подвешивали к своим самолетам бомбы, поднимались в воздух. Ночью 22 июня 1941 года объявили боевую тревогу, выстроили в одну

шеренгу около самолетов, чтобы дать очередное задание. И в этот момент они услышали нарастающий гул. Это были два немецких самолета, «девятки», которые стали бомбить наш аэродром. Первый раз летчики услышали вой падающей бомбы. Такое впечатление, что обрушивается небо. Стали гореть самолеты, появились первые убитые, раненые. «Пытаясь спасти их, мы ползали по дренажу, а немцы гонялись за каждым из нас, — вспоминает Александр Тимофеевич. — Наконец, они улетели. Аэродром представлял собой страшную картину. Мы не успели еще прийти в себя, когда к нам прибыли моряки одного из военных кораблей, расположенных неподалеку. Они стали расспрашивать, не учение ли у нас идет? Мы ответили, что началась война!»

После бомбежки из 60 самолетов в исправном состоянии осталось лишь 18. Во втором бою из 18 самолетов уцелело только 6. За два последующих дня были сбиты и эти 6 самолетов. Полк прекратил существование. Оставшихся в живых посадили на поезд до Риги. Но немцы бомбили и там. Началась неразбериха с командованием. В составе наземных войск они стали отступать к Двине.

«Я попал в новую воинскую часть, — рассказывает Александр Тимофеевич. — Первое задание: получить 20 самолетов и доставить их под Ростов. Город был захвачен немцами. Мы должны были выбить их из Ростова. Это были очень тяжелые бои. Было много потерь. Но немцев из Ростова мы выбили. Вернулись в Москву с шестнадцатью самолетами из двадцати. Под Ростовом я получил ранение. Мы базировались в Ногинске, летали на разведку, на бомбежку. Потери были страшные. В октябре 1941 года мы прикрывали с воздуха толпы беженцев, которые эвакуировались из Москвы. В течение трех дней, на предельно низкой высоте, висели мы над дорогой, по которой непрерывным потоком шли эвакуационные. Охраняя пути эвакуации, мы вступали в бой с немцами, потеряли три самолета, но задачу выполнили».

В декабре 1941 года воинская часть Александра Тимофеевича участвовала в контрнаступлении на Волоколамском шоссе. Вот как вспоминает летчик об этом тяжелом периоде своей жизни: «Наши самолеты выстроились в кильватерную колонну по одному. Бомбы подвешены. Пулеметы впереди и сзади. На малой высоте кидаем бомбы. На лицах немцев паника. Они бегут в лес. Бомбы падают, подскакивают и — взрыв! Машины — в щепки, люди — в кровавое месиво. Наши самолеты еле успевают от взрывов уворачиваться. На Волоколамском шоссе тогда погибло много немцев. Под Москвой я был ранен в ногу. Кровь полилась в унты. От боли помутилось сознание. Штурман перетянул мою ногу жгутом. Она перестала работать. Я еле-еле посадил самолет. Меня отвели в лазарет. Нога зажила. И через месяц я снова в строю. Получил задание: разведать аэродром, откуда немцы каждую ночь летают бомбить Москву. При выполнении этого задания уже погибли 4 самолета. Теперь должен был лететь я. Мы со штурманом придумали план: углубляемся на территорию, занятую немцами, на полтора километра. Потом разворачи-

ваемся, как бы возвращаясь на свою базу, а сами летим туда, где, по нашим подсчетам, должен быть немецкий аэродром. Пролетели над местом аэродрома — немцы себя никак не проявляют. Тогда я предложил штурману встать на боевой курс, зайти еще раз и сбросить две бомбы. Мы сбросили бомбы, и по нам тут же стали бить «зенитки». Маневрировать нельзя — надо фотографировать! Вдруг удар с правой стороны — кабинку снесло. Меня зацепило осколком — под глазом. Потом — удар в челюсть. Самолет подбросило, и я ударился головой о борт. Помутилось сознание. Самолет начал падать. Штурман кричит: «Командир, вывод!» Я подтянул штурвал, остановил вращение самолета, начал выходить из пикирования. И тут увидел, что правый мотор не работает — нет винта и репродуктора. Я выровнял самолет, дал левому мотору полный газ, и мы хоть и еле-еле, но дотянули до линии фронта. Ведь нужно было сдать фотоаппарат и записи штурмана. Посадив самолет, я потерял сознание. Очнулся в госпитале. Оказалось, что один из осколков пробил комбинезон, «прошелся» по ребрам, распорол брюшину. Когда кишечник начал «выползать» и кровь просочилась через комбинезон, мой штурман, лейтенант Набоков, будучи сам раненным, снял с себя комбинезон, рубашку, гимнастерку, засунул их в мою рану и перетянул поясом. Этим он спас мне жизнь. Без сознания я пробыл очень долгое время. У меня была контузия, черепно-мозговая травма, повреждение челюсти и повреждение брюшины. В госпитале мне влили три литра крови. Лечили семь месяцев. Дали заключение, что я пригоден только к административно-хозяйственной деятельности. А через некоторое время, в Кремле, М. Калинин вручил мне орден Красной Звезды. Я хотел вернуться в авиацию и добился того, чтобы пройти обследование в институте авиационной медицины в Москве. Там был замечательный доктор — бригадный врач Сабельников. Он и медсестры помогли мне пройти испытания, чтобы я остался в авиации. Меня разрешили использовать в моторной авиации без парашютных прыжков».

Впоследствии Александр Тимофеевич был направлен в Куйбышев, в десантно-транспортный полк. Там он летал выбрасывать разведгруппы в тыл врага. Летал к партизанам. Выбрасывал горючее для танков, боеприпасы для наших наступающих войск. Летал в Ленинград. В Ленинград они возили продукты, документы, снаряды для зенитных орудий. Оттуда вывозили детей. Он участвовал в боях за освобождение Будапешта, Праги, Кенигсберга, Берлина. Был награжден шестью боевыми орденами, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За освобождение Будапешта», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За боевые заслуги», «За спасение утопающих».

Александр Тимофеевич не жалуется на свою трудную судьбу, благодарен всем людям, с которыми его сводила жизнь, и надеется, что наши жертвы были не напрасны, что наша Родина была и будет сильной духом, богатой благородными, умными людьми, смело смотрящей в будущее.